

УДК 323.11 – 054.57

© *А. С. Ким, 2008*

ЭТНОМАРГИНАЛЬНОСТЬ ДИАСПОР: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ким А. С. – канд. филос. наук, доц. кафедры «Социология, политология и социальная работа» (ТОГУ)

Рассматриваются социологические и культурологические подходы к исследованию этномаргинальности диаспор. Приводится анализ политических аспектов этого явления. Автор обосновывает необходимость позитивной диаспоральной политики.

The cultural and sociological approaches to research of diasporas ethnic marginalization are considered. The political aspects of this phenomenon are analyzed. The author proves necessity of positive diasporas policy.

Ключевые слова: этническая маргинальность, этническая маргинализация, диаспора, диаспоральная этнополитика.

В научной литературе маргинальность рассматривается преимущественно как социально-классовый, социокультурный и социально-психологический феномен. Между тем практически неизученными остаются процессы этнической маргинализации.

Маргинальность (от французского *marge* – край, *marginal* – крайний) – это пограничность состояния индивида (или группы) по отношению к социальной общности, страте или социально-значимым структурам [1]. Термин «маргинальность» указывает на возможность особого положения индивида или группы в социальном пространстве, когда они оказываются на стыке субкультур, не принадлежа ни одной из них, или просто вытесняются на периферию социальной жизни. Индивид или группа, оказавшиеся в таком состоянии, называются маргиналами.

Маргинальность – социальное качество сознания и поведения личности, группы. В самом общем виде под маргинальностью понимается пограничное, промежуточное положение индивида или группы в социальной структуре, потеря или отсутствие принадлежности к какой-

либо социальной общности. Маргинальность предполагает отрыв от первоначального социального субстрата, прекращение социальных связей, определяющих прежнюю идентичность индивидов и групп, а также принципиальную невозможность или затрудненность возобновления подобных интеграционных связей.

Этническая маргинальность является интегративным качеством, для изучения которого необходимо синтетическое знание, являющееся исследовательским инструментарием различных смежных научных дисциплин. Так, в культурологическом ракурсе этномаргинализация является одной из основных стратегий аккультурации. Исследованием процессов аккультурации стали заниматься в начале XX в. американские культурные антропологи Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херскович. Первоначально они рассматривали аккультурацию как результат длительного контакта групп, представляющих разные культуры, который выражался в изменении исходных культурных моделей в обеих группах (в зависимости от удельного веса взаимодействующих групп). Разумеется, реально менее развитая культура изменяется намного больше, чем развитая [2]. Результат аккультурации также ставился в зависимость от числа участников взаимодействующих групп. Постепенно в рамках этих теорий возникла концепция Америки как плавильного котла культур, согласно которой культуры этносов, приезжающих в Америку, смешиваются в этом котле, и в итоге образуется новая однородная американская культура.

Постепенно исследователи отошли от понимания аккультурации только как группового феномена и стали рассматривать ее на индивидуальном уровне. Согласно новым представлениям, процесс аккультурации трактовался как изменение ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок индивида. В настоящее время термин «аккультурация» используется для обозначения процесса и результата взаимного влияния разных культур, «при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора)» [3, с. 18].

Исследования в области аккультурации особенно интенсифицировались в конце XX в. под воздействием миграционного бума, который переживает человечество. В процессе аккультурации каждый человек вынужден одновременно решать две проблемы – сохранение своей культурной идентичности и включение в чужую культуру.

Целью аккультурации считается интеграция культур, дающая в результате бикультуральную или мультикультуральную личность. Такая стратегия аккультурации достижима при условии, когда интегрирующаяся группа готова принять установки и ценности новой для себя культуры, а доминантная группа готова принять этих людей, уважая их права, их ценности, адаптируя свою культуру к потребностям этих

групп. Вместе с тем доминирующая группа может ограничить выбор групп меньшинств или вынудить их к определенным формам аккультурации. В этом случае недоминирующая группа может выбрать стратегию сепарации, которая означает, что ее представители предпочитают изоляцию от доминантной группы. При этом происходит отрицание чужой культуры в сочетании с сохранением идентификации со своей культурой. Если сепарация носит вынужденный характер, т.е. возникает в результате дискриминационных действий доминирующего большинства, то тогда она становится сегрегацией.

При некоторых условиях аккультурации группа меньшинства выбирает стратегию маргинализации. Это случается тогда, когда происходят попытки сочетания насильственной ассимиляции с сегрегацией. Аккультурационной маргинализации соответствуют негативная этнокультурная идентичность и интолерантность.

При рассмотрении этнической маргинальности в социологическом ракурсе оказывается, что ее главным признаком являются разрыв и энтропия социальных связей и тканей, образующих этническую общность. Специфика этнической маргинальности как социального феномена проявляется в особом виде двойственности (раздвоения). Этническая маргинализация заключается не в одномоментном раздвоении этнического субъекта, а в его последовательном и динамичном отходе от норм и ценностей прежней этнической субкультуры. Для этномаргинальности характерна социальная аномия, проявляющаяся в существовании в двух или более социумах одновременно без действительной принадлежности ни к одному из них, принятии внешних форм и признаков, которые определяют отнесенность к определенным национальным и культурным сообществам, без реального обладания ими.

Этническая маргинализация является процессом утраты объективной принадлежности к определенной этнической общности, без последующего субъективного вхождения в иную общность. Процесс потери объективной принадлежности к прежнему этносу, как правило, значительно опережает процесс перехода в новый этнос. Причинами такого запаздывания могут быть особенности индивида, который должен настроиться на принятие новой этнической субкультуры, формирование нового типа этнической идентичности, что требует определенного времени, в ходе которого осуществляется субъективная адаптация.

Этномаргинальность как социальное явление – неизбежность мобильности в социально-этнической структуре общества. Этническая мобильность как и всякая другая социальная мобильность связана с переходом из одной общности в другую, от одних статусных позиций к другим. Как и любой вид маргинализации этническая маргинализация может быть естественной и предписанной. В условиях тоталитарного

общества развитие многих этнических общностей приобрело предписанный характер властного побуждения правящей политической элиты. Если естественная маргинализация носит в целом социально обогащающий характер, поскольку позволяет людям вписываться в структуры, где удовлетворяются их потребности в признании, самореализации и творчестве, то предписанная маргинализация, как правило, принуждает к понижению статусных позиций.

Этническая маргинализация в условиях тоталитарного общества является экстремальной разновидностью предписанной маргинализации. Экстремальная этномаргинализация разрушает ориентационный потенциал подверженных ей этнических общностей и пресекает коммуникативные каналы, связи с прежней генеральной общностью. В то же время она не может лишить индивида всех социальных характеристик, которые определяли его прежнюю этническую принадлежность. Таким образом, остается возможной частичная или полная этническая регенерация. Как правило, она происходит в результате демократизации общественных институтов, либерализации национально-этнической политики или в процессе распада (образования) национальных государств и передела государственных границ.

Именно поэтому логика культурологического и социологического исследования этномаргинальности современных диаспор с неизбежностью приводит к необходимости анализа политических моментов ее проявления. Возникает, таким образом, политологический ракурс (аспект) рассмотрения данного феномена.

Воспроизведем в наиболее общем виде эту логику. Современная диаспоральность, понимаемая как рассеивание этнической общности за пределами ареалов ее исторически-традиционного обитания, зачастую вызвана не насильственным изгнанием, а глобальной миграцией, связанной с давлением социально-экономических и политических обстоятельств. Независимо от причин диаспоральности индивидам, ее испытывающих, приходится рано или поздно делать выбор в отношении своей первоначальной этнической идентичности. Выбор невелик – либо стремление к ее сохранению, либо отказ от нее в пользу ассимиляции, а, следовательно, переход к идентичности принимающего общества. Если факторы, влияющие на такой выбор, достаточно содержательно проанализированы в специальной литературе [4], то сам феномен диаспоральной этничности остается малоисследованной проблемой.

Диаспоральность – это особая «чаша» повседневности, особое состояние и ментальность адаптации. И в этом смысле она является особой формой этничности, возникающей на стыке адаптационных и этнокультурных стратегий поведения индивидов. Результатом такого взаимодействия являются новые проявления этничности, которые не

свойственны основному этническому массиву, находящемуся в историческом ареале своего обитания. Например, воспринимающееся как традиционное корейское блюдо, салат из моркови – кулинарное изобретение диаспоральных корейцев, поскольку морковь не культивировалась в Корее. Кроме того корейцы в России и других странах СНГ воспринимаются как потомственные земледельцы. Между тем, нельзя сказать, учитывая социальный характер исторических волн корейской иммиграции, что их предки были в большинстве своем выходцами из сельской местности. Таким образом, налицо специфика проявления этничности в условиях диаспоры, трансформация исходного этнического потенциала при взаимодействии с культурой принимающего общества.

Этническая маргинальность является качественной характеристикой диаспоральности. Она особенно отчетливо проявляется, с одной стороны, в отрыве индивидов от основного этнического массива, а с другой – в их специфической этнической самоидентификации в социуме доминантной культуры. Таким образом, диаспоральные процессы приводят к формированию особого типа идентичности этнических индивидов.

Об этом свидетельствуют итоги анкетного вопроса, проведенного автором статьи в Ростовской области при содействии областной корейской ассоциации в октябре 2006 г. Опрос, которым было охвачено 200 человек (более 1,5% от общей численности донской корейской диаспоры), показал следующие результаты.

На вопрос: «Кем Вы себя считаете, живя в России?»- 59,3 % от общего числа опрошиваемых ответили: «Гражданином России, предки которого когда-то давно переселились из Кореи». 33,67 %: «Представителем одного из коренных народов России - российским корейцем»

На вопрос: «Нужны ли в Вашем городе (области) места, где бы корейцы встречались, знакомились и общались? (клубы знакомств, национальные собрания, дискотеки и кафе)?» ответили: «Да, обязательно» 85,43 %. На вопрос, «Что должно быть на первом месте в работе корейских общественной организации в Вашем городе (области)?» 62,31 % ответили «Развитие корейской культуры и языка».

На вопрос: «Хотите ли Вы участвовать в работе корейской организации Вашего города (области)?» ответили: «Да, обязательно» 53,77 % от общего числа опрошиваемых. На вопрос: «Нужны ли в Вашем городе (области) корейские школы, газеты, радио и телевидение, театры?» «Да, обязательно» ответили 77,39 % от общего числа опрошиваемых.

На вопрос: «Как Вы относитесь к бракам людей своей национальности с русскими?» ответили «отрицательно (психологически и культурно ближе корейцы)» 12,56% от общего числа опрошиваемых. На этот же вопрос, «Как Вы относитесь к бракам людей своей нацио-

нальности с русскими?» ответили «Национальность не имеет значения» 63,82 % от общего числа опрошиваемых.

Сходные результаты показал опрос, проведенный автором статьи в октябре 2006 г. в другом регионе проживания российских корейцев, – Хабаровском крае. При содействии Ассоциации корейских организаций Дальнего Востока и Сибири анкетированием было охвачено 330 человек (более 3% от общей численности корейского населения края).

Гражданином России, предки которого когда-то давно переселились из Кореи, считают себя 62,87 % от общего числа опрошиваемых. Представителем одного из коренных народов России – российскими корейцами – 25,73 %. На вопрос: «Нужны ли в Вашем городе (крае) места, где бы корейцы встречались, знакомились и общались? (клубы знакомств, национальные собрания, дискотеки и кафе)? «Да, обязательно», ответили 86,32 % от общего числа опрошиваемых.

На вопрос: «Что должно быть на первом месте в работе корейских общественной организации в Вашем городе (крае)?», 58,31% ответили, – «Развитие корейской культуры и языка». На вопрос: «Хотите ли Вы участвовать в работе корейской организации Вашего города (края)?» ответили «Да, обязательно» 40,07 %. На вопрос: «Нужны ли в Вашем городе (крае) корейские школы, газеты, радио и телевидение, театры?» ответили, «Да, обязательно», 75,24 % от общего числа опрошиваемых.

На вопрос: «Как Вы относитесь к бракам людей своей национальности с русскими?» «Отрицательно (психологически культурно ближе корейцы)» ответили 23,45 %. На этот же вопрос: «Как Вы относитесь к бракам людей своей национальности с русскими?» ответили, «Национальность не имеет значения» 59,61 %.

Исследования, проведенные в совершенно различных регионах нашей страны, выявили следующую общую черту. Несмотря на преимущественно рассеянное (дисперсное) расселение, социальную и культурную интегрированность в российское общество, представители корейской диаспоры, относящиеся уже к третьему и четвертому поколению российских корейцев, характеризуются высокой степенью этнической идентичности, осознания связи с исторической родиной. В СССР происходила, пусть и постепенная (ввиду расовых и этнопсихологических особенностей) социокультурная и этнополитическая ассимиляция советских корейцев. В настоящее же время, как показывают вышеприведенные исследования, она сменилась этнической маргинализацией, проявляющейся в двойственной идентичности индивидов, являющихся гражданами российского государства, но осознающих свое иностранное происхождение и определенным образом идентифицирующих себя с исторической родиной. На наш взгляд, пробуждению этничности представителей как корейской, так и других диаспор, в

постсоветской России способствовали следующие политические обстоятельства.

Во-первых, следует отметить, что ударная волна перестроечного «взрыва» этничности не обошла стороной и диаспоральные меньшинства. Отсутствие позитивной идентичности, опыта естественного этнокультурного развития привели к возникновению в их среде этнонационалистических и этнократических тенденций. «От властей требуют предоставления права выступать от имени «диаспоры» как единого тела и обладать властными полномочиями над его членами» [5, с.135]. Принятый российским парламентом в 1996 г. закон «О национально-культурной автономии», на наш взгляд, только катализировал этнополитизацию диаспоральности, старт которой был дан в конце 1980 – начале 1990-х гг. на общей волне демократизации, приведшей, в частности, к известным постановлениям о реабилитации репрессированных народов, возможностям для представителей так называемых нетитульных этносов («некоренных» национальностей) создавать общественные организации по этническому признаку. Как грибы после дождя, стали во множестве возникать национально-культурные центры, ассоциации, объединения диаспоральных меньшинств, которые впоследствии в большинстве своем преобразовались в местные, региональные, и даже федеральные национально-культурные автономии.

Во-вторых, в связи с распадом СССР представители многих диаспоральных меньшинств были вынуждены мигрировать в Россию. Тем самым люди, не обладающие российским гражданством, попали в ситуацию «двойной диаспоры». В условиях разрушения политико-идеологического механизма сдерживания националистических настроений они стали объектом ксенофобии и бытового национализма. Такая участь постигла, например, корейцев из Средней Азии. Являясь русскоязычным этническим меньшинством, они стали жертвой этнократической политики новых национальных государств. В то же время значительное число среднеазиатских корейцев, переселяясь в российские регионы, не испытывают социально-психологического комфорта, поскольку нередко старожильческое население, а иногда и власти не проявляли к ним доверия и доброжелательности. Отсюда — возникновение проблемы постсоветского гражданства и, как следствие, оживление и обострение дремавших в советское время этнических чувств и настроений.

В-третьих, после выхода из состава советской империи среднеазиатских, закавказских и прибалтийских этносов на ее месте образовалась этнофедеративное российское государство с явным преобладанием в своем населении так называемых титульных, прежде всего, русского этносов. На смену идеологии социалистического интернационализма пришла державно-патриотическая риторика, которая по

созвучию слов «Россия» – «русские» затвердила в сознании большинства населения восприятие старожильческих диаспоральных меньшинств в качестве нерусских (читай–нероссийских, «некоренных») национальностей. Люди, обладающие российским гражданством, полностью интегрировавшиеся в русскоязычную культуру, стали позиционироваться в общественном мнении (особенно молодого поколения, не имеющего опыта жизни в СССР) как выходцы из других стран.

В-четвертых, после падения «железного занавеса» у России установились или либерализовались межгосударственные отношения с рядом стран, являющимися, исторической родиной для многих диаспоральных меньшинств. Некоторые из них (Германия, Республика Корея, Израиль) проявляют повышенное внимание к своим соплеменникам и осуществляют поддержку этнической идентичности вплоть до репатриации (как в случае с Израилем). Республика Корея пошла на создание постоянно функционирующих на территории нескольких регионов России культурно-образовательных центров для диаспоральных корейцев (Владивосток, Ростов-на-Дону, Хабаровск, Южно-Сахалинск).

В пятых, огромную роль в актуализации диаспоральной этничности играет PR-фактор. «Под влиянием политической и журналистской моды, позволяющей пользоваться словами без адекватного понимания их значений «меньшинства» превращаются в «диаспоры». Сконструированные вербальные структуры порождают некие самостоятельные сущности, которые начинают жить своей жизнью, обретают виртуальное бытие в качестве этнополитического института, претендующего на особое отношение к нему со стороны государства и общества. Любая этническая группа превращается в диаспору независимо от того, относятся ли ее члены к «коренному населению», беженцам или трудовым мигрантам» [6, с.140], и, идентифицируют ли они себя вообще с каким-либо этносом. Под влиянием «... коммунитарной парадигмы, мыслящей категориями общности, гипертрофирующей ее значимость, и этноцентризма – мировоззренческой установки и методологического принципа, утверждающего приоритет этнической общности по отношению к этническому индивиду, рассматривающего этнос как целое, как общность; абсолютизирующего его количественные характеристики...» [6, с.145] в объективное существование диаспоры как этнического сообщества начинают верить как представители старожильческого населения, так и те, которых к диаспоре причисляют.

Парадокс заключается в том, что, находясь в условиях этнической диссоциации, практически ассимилировавшись, люди с определенного момента начинают причислять себя к псевдомассовой, инициированной идеологическими мифами или социально-психологическими установками, общности. Формируется маргинальная личность – промежу-

точный, пограничный человек, который ощущает свое место в мире, лишь принадлежа к какой-либо «мнимой общности». При этом собственная этническая самоидентификация приобретает маргинальный характер, поскольку принимает внешние формы, которые определяют принадлежность к «своей» культуре без действительного обладания ими. Именно поэтому довольно часто диаспоральная этничность характеризуется отсутствием исторической памяти и преемственности в восприятии традиций, собственной системы ценностей и оценок. При этом принятие норм нового социума происходит без глубинного проникновения в пласты ценностей доминантной культуры и носит характер имитации.

Этномаргиналы, находящиеся в диаспоральном состоянии, не объединены никакими общими интересами или целью, им не нужна кооперация, поскольку они приходится друг другу конкурентами по тем сферам деятельности, которые эксклюзивны в принимающем обществе на предмет их незанятости или неосвоенности старожильческим населением. В то же время у таких маргинальных индивидов периодически возникает потребность во внутридиаспоральном общении в связи с необходимостью побыть некоторое время в «своей» среде для снятия социально-психологического стресса, выхода из «культурного шока», которые испытываются при постоянном взаимодействии с окружающей средой принимающего общества.

Итак, этническая маргинальность является базовым элементом, «несущей конструкцией» диаспоральности как социального и политического феномена, на что указывают следующие моменты.

1. Диаспоральность предполагает этническую маргинализацию, понимаемую как процесс утраты объективной принадлежности к определенной этнической общности, результатом которого является не последующее субъективное вхождение в иную общность, а поверхностное обладание внешними формами ее культуры без проникновения в ее этническую ментальность.

2. Залогом сохранения диаспоральной этничности выступает нахождение в меньшинстве в окружении доминантной культуры, на стыке с нею, что само по себе является этномаргинальностью.

3. «Спящая» этничность индивидов, находящихся в диаспоральном (диссоциированном) этническом состоянии, может быть пробуждена как факторами дискриминации и сегрегации, так и либерализации внутренней и внешней политики, а также мировоззренческими, идеологическими и социально-психологическими установками, начинающими доминировать в общественных настроениях.

4. Этномаргинальность служит мощным фактором не только сохранения диаспоральной этничности, но и появления ее новых форм.

5. Диаспоральность этномаргинальна уже в силу того, что ей имманентно постоянное стремление адаптироваться к окружающей социокультурной среде, мимикрировать, а следовательно готовность к трансформации и модернизации «своей» этничности либо до ее полной утраты, либо до ее реанимации и активизации.

6. Необходимо различать этническую маргинальность и этническую маргинализацию. В первом случае мы имеем дело с состоянием, во втором – с процессом. Этническая маргинальность как состояние раздвоения этнического индивида весьма показательна для ситуации диаспоры. Этническая маргинализация может трактоваться как вид, характеристика диаспоральных процессов.

Как мы убедились, логика социологического и культурологического анализа этномаргинальности с неизбежностью приводит к необходимости рассмотрения данного феномена в политическом ракурсе. И в этом смысле социологический и культурологический подходы являются методологическими основаниями политологического исследования процессов этнической маргинализации таких общностей, как диаспоры. Последнее обстоятельство дает возможность прийти к следующим выводам относительно политических аспектов их функционирования в современных условиях.

1) Если в советское время старожильческим диаспоральным меньшинствам гарантировалась поддержка интернациональной (советской) политико-культурной общности, то в современной России возникает вопрос о характере и формах их признания. Именно поэтому необходим мониторинг динамики диаспоральной этничности с тем, чтобы направить ее мобилизацию в позитивное русло. Речь идет о целесообразности программы интеграции не только с целью адаптации новых, но и сохранения этнокультурного своеобразия старожильческих диаспоральных общностей.

2) В результате диаспоральных процессов не остается неизменным и принимающее общество, социально-экономическое и культурное пространство которого впитывает в себя как полезные инновации, так и негативные явления. В этом контексте существует настоятельная необходимость теоретических и практически-политических усилий, направленных на сохранение базовых основ национальной идентичности принимающего социума при признании культурного своеобразия диаспорантов.

3) Наблюдения за диаспоральными процессами показывают, что сама ситуация этнического рассеяния ведет к формированию общих, совпадающих черт в образе и стиле жизни меньшинств, избежавших полной ассимиляции. Речь идет о нивелировании специфически-этнических качеств и появление новых, «комплекс которых можно условно назвать диаспоральностью» [7, с.14]. Таким образом, диаспо-

ральная этничность содержит в себе как транснациональные компоненты, характерные для всех находящихся в рассеянии меньшинств, так и специфические, связанные с их этнокультурным своеобразием. Но процессы вживания, адаптации, укоренения диаспор порождают проблему политизации культурных различий. Трудности, возникающие на пути ее решения, демонстрируют опыт политики мультикультурализма, коллизии трансформации института гражданства в североамериканских и западноевропейских государствах.

В нынешних условиях принципиально важным является ответ на вопрос: этническая маргинальность диаспор является конфликтогенным или консенсусным фактором? Если маргинализация способствует интеграции их представителей в национальное сообщество, то она носит позитивный характер. Однако политическая история современности показывает, к сожалению, что гораздо более распространенными являются (за редким исключением) ситуации конфликтогенности этнической маргинальности. Во многих случаях этому способствует отсутствие или незрелость позитивной диаспоральной политики. Более того, мы наблюдаем, что политические катаклизмы побуждают этномаргинальные элементы диаспор к встраиванию (частичному или полному) в общности стран исхода, что во многих случаях сопровождается весьма агрессивными этнополитическими процессами (этнополитические конфликты, сецессия, ирредентизм). Яркий пример тому – этнополитическая мобилизация албанских диаспор на территории распавшейся Югославии.

Конфликтогенность этнической маргинальности диаспор заложена в потенциальной возможности особой формы раздвоения идентичности их представителей. Существование двух политических полей: государства постоянного проживания и государства одноименного этнического большинства предопределяет конфликт идентичностей. Именно поэтому необходимо исследование возможностей профилактики и разрешения этого конфликта усилиями властных институтов, органов образования и культуры, общественных организаций.

В этой связи наиболее оптимальным и перспективным следует признать:

– во-первых, разработку стратегии под условным обозначением «диаспора – социально-экономический и гуманитарный мост сотрудничества между двумя роинами»;

– во-вторых, сочетание системы связей с исторической родиной и политико-правового механизма реализации диаспоральных интересов на территории государства постоянного проживания.

По сути дела, речь должна идти о научной разработке позитивной диаспоральной этнополитики. Цель такой политики – максимальная деполитизация диаспоральной этничности, замещение конфликтоген-

ного потенциала этнической маргинальности диаспор позитивным, консенсусным.

Библиографические ссылки

1. *Попова И. П.* Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996.
2. *Herskovits M.* Cultural Relativism. N. Y., 1972.
3. *Хоруженко К. М.* Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997.
4. *Атоян А. И.* Социальная маргиналистика о предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. 1993. № 6.
5. *Дятлов В. И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3.
6. *Фадеечева М. А.* Диаспора и состояния этнического индивида // Диаспоры. 2004. № 2.
7. *Дятлов В. И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1.